

На правах рукописи

Майсак Тимур Анатольевич

**ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ
КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ
И ГЛАГОЛАМИ ПОЗИЦИИ**

Специальность: 10.02.20 –

“Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание”

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2002

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

- Научный руководитель:** доктор филологических наук,
профессор **А. Е. Кибрик**
- Научный консультант:** доктор филологических наук
В. А. Плунгян
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук,
профессор **В. М. Алпатов**
- кандидат филологических наук
Анна А. Зализняк
- Ведущая организация:** Российский государственный
гуманитарный университет

Защита диссертации состоится “ ____ ” _____ 2002 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

Адрес: 119992, Москва, Ленинские Горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГУ.

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2002 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

О. В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Настоящая работа посвящена исследованию возможных **путей грамматикализации** конструкций с глаголами движения и глаголами позиции, т.е. путей превращения этих конструкций в грамматические показатели. На материале 11-ти **глаголов движения** (передающих такие смыслы, как 'идти', 'уходить', 'приходить', 'входить', 'выходить', 'подниматься', 'спускаться', 'ходить', 'возвращаться', 'переходить', 'проходить') и 3-х **глаголов позиции** (передающих смыслы 'стоять', 'сидеть', 'лежать') рассматриваются отмечаемые в языках мира значения, возникающие у конструкций с этими глаголами в ходе их грамматикализации, дается объяснение механизмов переосмысления исходных пространственных значений этих конструкций, характеризуется соотношение этих конструкций с другими известными источниками рассматриваемых грамматических категорий.

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия для теоретической лингвистики характерен перенос исследовательских интересов от чисто описательного подхода при анализе *синхронных* состояний языка к подходу, направленному на поиск *диахронических* закономерностей развития грамматики и преследующему в первую очередь объяснительные цели. В целом функционально-диахроническая перспектива значительно увеличивает объяснительную силу лингвистической теории, что особенно четко проявляется в типологических исследованиях: "регулярно воспроизводимые закономерности языковой эволюции... предоставляют нам тот уровень, на котором не сравнимые иным образом языки становятся сравнимыми"¹. В данной работе функционально-диахронический подход используется при рассмотрении одной частной проблемы эволюции грамматики — а именно, для выявления и объяснения возможных путей грамматикализации исходных конструкций с глаголами движения и позиции. В работе изучается актуальный для современной теории грамматикализации вопрос о механизмах семантических изменений в ходе развития грамматических показателей из лексических источников. В частности, обсуждается важность учета исходного значения всей конструкции, вступающей на путь грамматикализации, в целом (т.е. как лексической семантики вспомогательного глагола, так и его грамматической формы, а также формы смыслового глагола). Обнаруженные закономерности демонстрируют преимущества функционального и диахронического подхода к анализу языковых данных, и могут рассматриваться как вклад в уточнение принципов и методов типологического исследования эволюции грамматических показателей.

Глаголы движения и позиции исходно описывают различные типы пространственного перемещения или расположения объектов; к рассмотрению в работе привлекались те конкретно-языковые глаголы, которые выражают один или несколько смыслов из выделенного набора. Избранные объектом диссертационной работы конструкции с глаголами движения и позиции принадлежат к числу типологически наиболее распространенных диахронических источников грамматических показателей. В генетически и ареально независимых языках грамматикализация конструкций с этими глаголами осуществляется по ограниченному (хотя и достаточно большому для некоторых глаголов) набору путей семантического развития; большая часть результатов этого развития связана со значениями основных категорий глагола (вид, время, модальность, залог и актантная деривация, а также пространственная ориентация).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предлагается исчерпывающая характеристика возможных путей грамматикализации выбранных для

---

¹ Bybee, J.L.; Perkins, R.; Pagliuca, W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 4.

рассмотрения глаголов движения и позиции на материале большого количества языков мира. В этом исследовании рассматривается также проблема объяснения обнаруженных путей семантического развития этих конструкций; имеются и статистические обобщения, показывающие частотность грамматикализации разных глаголов, а также частотность различных путей грамматикализации каждого из глаголов.

Работа изначально задумывалась как эмпирическое исследование, основной целью которого должно явиться выявление всех возможных (точнее, зафиксированных в репрезентативной выборке языков) путей превращения некоторой группы лексем — глаголов движения и позиции — в грамматические показатели. Такова чисто “таксономическая” цель данной работы. При такой постановке проблемы оказывается, однако, что многие результаты грамматикализации разных глаголов совпадают; соответственно, возникает вопрос о том, что именно (помимо исходного лексического значения глагола) определяет “судьбу” грамматикализуемого показателя. Выходом является рассмотрение в качестве источников не просто некоторых лексем, а конструкций целиком (с учетом лексической семантики вспомогательного глагола, его грамматической формы, а также определенного типа формы смыслового глагола). Поэтому вторая, “объяснительная”, цель работы заключается в выяснении мотивации именно таких путей семантического развития источника и в определении того, в каких именно условиях данные пути возможны. Таким образом, более общей целью работы является уточнение методики анализа и объяснения путей грамматикализации лексических источников.

Указанные цели обусловили следующие конкретные задачи исследования:

- ◇ определить представленные в языках мира пути грамматикализации каждого из выбранных для рассмотрения лексических источников;
- ◇ выявить для каждого типа случаев условия, в которых данный путь развития мог быть мотивирован (т.е. определить, на основе каких именно исходных лексических и грамматических компонентов значения развивалось новое значение);
- ◇ сформулировать приблизительные статистические закономерности путей грамматикализации для каждого из рассмотренных исходных глаголов.

Теоретически значимые результаты исследования. На материале значительного числа генетически и ареально разнородных языков показано, какие типы грамматических показателей могут возникать из конструкций с глаголами движения и позиции. Большая часть результатов этого развития связана со значениями основных категорий глагола (вид, время, модальность, залог и актантная деривация, пространственная ориентация). В целом же, данное исследование подробно характеризует механизмы развития грамматических категорий, которые действуют в естественном языке, и расширяет наши представления о тех связях, которые устанавливают говорящие между более простыми и конкретными понятиями (связанными с перемещением и расположением в пространстве) и более сложными и обобщенными грамматическими значениями.

В работе наглядно продемонстрированы преимущества функционально-типологического и диахронического подходов к анализу языковых явлений. На многочисленных примерах показана также важность учета целиком всей исходной структуры (“конструкции”), подвергающейся грамматикализации. В связи с рассмотрением путей грамматикализации глаголов движения и позиции в работе затронут и ряд актуальных для современной грамматической типологии проблем взаимодействия и диахронического развития некоторых категорий (время vs. аспектуальность, аспектуальность vs. акциональность) и ряда частных значений (будущее время, имперфективность, перфективность и др.). Для ряда конкретно-языковых примеров обсуждаются и предлагаются новые, более адекватные интерпретации существующих грамматических явлений.

Практическое значение исследования. Полученные данные о возможных путях грамматикализации глаголов движения и позиции могут найти применение при написании грамматик и создании словарей различного типа, в исследованиях по грамматической семантике и теории грамматикализации, а также в ходе полевых исследований неизученных и малоизученных языков. Кроме того, эти данные могут быть использованы в сравнительно-историческом языкознании при формулировании гипотез о реконструкции тех или иных грамматических показателей.

Материалом настоящей работы послужили данные порядка 400 языков, представляющих все существующие языковые семьи и ареалы, а также изолированные и контактные языки. Все упоминаемые в работе языки с указанием их генетической принадлежности приведены в Приложении. Основным источником данных по этим языкам явились описательные грамматики (полные грамматики были исследованы по крайней мере для 200 языков). Другим источником послужили более частные работы по конкретным языковым явлениям в конкретных языках, а также общие типологические исследования по грамматикализации и грамматической семантике. Данные по некоторым языкам получены при анализе текстов на этих языках, а также при консультации с носителями языков.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы излагались на Ломоносовских чтениях в МГУ (1998 г.), Первой, Второй и Третьей международных зимних типологических школах (1998, 2000, 2002 гг.), заседании Московского Типологического Общества (2001 г.), были представлены в виде публикаций на международных конференциях “Диалог’98” (1998 г.) и “Linguistic Typology On-line” (1999 г.), а также отражены в других публикациях. Работа обсуждалась на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложений. Во **Введении** дается общая характеристика функционально-типологического подхода к изучению языковых явлений, а также обсуждаются основные положения современной теории грамматикализации. В **главе 1** обсуждается материал и задачи исследования, а также методы решения этих задач: дается обоснование выбора исходных глаголов и их общая характеристика, описывается языковая выборка и методы поиска данных, и т.д. **Глава 2** посвящена подробному обзору путей грамматикализации конструкций с глаголами движения: для каждого из выбранных для рассмотрения глаголов разбираются возможные пути развития, причем для каждого из путей приводятся примеры из различных языков, подробно обсуждается итоговое значение, уточняется структура исходных конструкций. Специальный раздел посвящен также системам “аналитической перфективации”, в которых глаголы движения играют важную роль. **Глава 3** посвящена путям грамматикализации глаголов позиции. Все эти глаголы с точки зрения результатов грамматикализации образуют весьма однородную группу: основным путем развития для них является превращение в имперфективный показатель (или акциональный модификатор дуративного типа); отдельно рассматривается также функционирование глаголов позиции в качестве эквивалентов бытийных глаголов. В **главе 4** обсуждаются общие закономерности грамматикализации глаголов движения и позиции. В первом разделе все выявленные пути обобщаются уже не по исходным глаголам, а по итоговым категориям (вид, время, модальность, актантная структура и пр.): показывается, какую роль занимают среди известных источников этих категорий именно глаголы движения и позиции, а также обсуждаются возможные объяснения путей семантического развития. Во втором разделе делаются статистические обобщения по поводу частотности случаев грамматикализации различных глаголов, приводятся приблизительные оценки частотности разных путей грамматикализации для каждого глагола, а также рассматривается теоретическая проблема предска-зуемо-

сти процессов грамматикализации. В **Заключении** кратко резюмируются полученные в работе результаты и намечаются возможные пути дальнейших исследований в этой области. **Библиография** включает более 500 наименований отечественных и зарубежных работ. В **Приложении 1** дан полный список упоминаемых в работе языков с указанием их генетической принадлежности, в **Приложении 2** приводится алфавитный указатель языков (с отсылками к разделам работы), в **Приложении 3** имеется полный список разбираемых в работе путей грамматикализации (в едином формате).

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика функционально-типологического подхода к изучению языковых явлений, а также обсуждаются основные идеи современной теории грамматикализации.

Исследования диахронических закономерностей эволюции грамматического строя начиная с 80-х годов XX века выделились в самостоятельное направление, известное как “теория грамматикализации” (сам термин *grammaticalisation* впервые использовал еще в начале века А. Мейе²). Крупнейшими представителями этого направления являются в настоящее время такие лингвисты, как Х. Леман, Б. Хайне, П. Хоппер, Э. Траугот, М. Хаспельмат и др., а также (прежде всего в области эволюции вида, времени и модальности) Дж. Байби и Э. Даль.

Грамматикализация (англ. *grammaticalization*, иногда *grammaticization* или *grammatization*) представляет собой, в общем виде, процесс, в ходе которого некоторая языковая единица становится грамматической (или в большей степени грамматической). Наиболее очевидный пример грамматикализации — это приобретение знаменательным словом грамматической функции, в результате чего бывшая лексема получает служебную роль и становится грамматическим показателем, т.е. модификатором типа вспомогательного глагола, предлога/послелого, частицы, аффикса и т.п. Так, в латинской форме будущего времени *ama-b-o* ‘буду любить’ суффикс *-b-* восходит к глаголу **bh-* ‘быть’; в современных же романских языках будущее время развилось из конструкции с глаголом ‘иметь’, имевшей должностное значение (ср. франц. *parler-ai* ‘буду говорить’, исходно “имею говорить”). Другая современная форма будущего времени, ср. франц. *il va parler* ‘он скажет, собирается сказать’, буквально означает “он идет говорить” и включает в себя вспомогательный глагол *aller* ‘идти, уходить’ в настоящем времени.

Важное уточнение традиционного определения грамматикализации (“превращение слова в грамматический показатель”) состоит в том, что в действительности грамматикализации подвергается не просто слово, т.е. лексема, а целая конструкция, включающая некоторую лексему в служебной функции: так, более верно утверждение, что в английском языке грамматикализован не глагол *go* ‘идти, уходить’, а конструкция *is going to do* (букв. “идёт делать”) со значением “ближайшего будущего”, или проспектива, включающая лексему *go* в форме актуально-длительного настоящего времени (*is ...-ing*) и инфинитив смыслового глагола, указывающий на цель перемещения. (Тем самым, более точно представление данного типа развития не просто как «ИДТИ > будущее время», а как «ИДТИ (наст. время) + ‘к’ + целевая форма глагола ⇒ форма проспектива/будущего времени».)

---

² Meillet, A. L'évolution des formes grammaticales [1912] // Meillet, A. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1965. P. 133.

О подобных случаях диахронической эволюции говорят как о путях грамматикализации (*grammaticalization paths*). Теория грамматикализации изучает, какие пути грамматикализации возможны, а какие нет, как объясняются существующие пути и каковы последовательные этапы приобретения некоторой языковой единицей грамматического статуса.

В ходе грамматикализации изменения происходят на различных уровнях: более обобщенным становится значение языковой единицы, расширяется круг контекстов ее употребления (вплоть до того, что она может стать обязательной в определенных контекстах), увеличивается ее частотность, изменяется ее морфосинтаксический статус (происходит процесс постепенной утраты автономности, т.е. морфологизация: от полнозначной лексемы к автономному служебному слову, затем клитике и аффиксу), показатель постепенно редуцируется фонетически и т.д. В центре внимания нашего исследования находились семантические изменения, происходящие в ходе грамматикализации, в т.ч. поиск мотивации выявленных нами типов семантических переходов.

В целом, данное исследование путей грамматикализации глаголов движения и позиции выполнено в русле так называемого функционально-типологического подхода к языковым явлениям: во-первых, оно направлено на выявление закономерностей, которые могут быть обнаружены в результате межъязыкового сопоставления; кроме того, оно ориентировано на поиск объяснения языковых явлений, причем за основу берется принцип объяснения языковых форм их функциями: предполагается, что языковая форма в основе своей является не автономной, а мотивированной теми функциями, которые присущи языку как средству коммуникации.³

В 1 главе (“Глаголы движения и глаголы позиции как лексические классы и как источники грамматикализации”) характеризуются типологические особенности источников грамматикализации в целом, обсуждается необходимость их изучения, а также методика данного конкретного исследования.

Как глаголы движения, так и глаголы позиции относятся к числу наиболее распространенных в языках мира диахронических источников грамматических показателей. Из типологических работ известно, что набор лексических единиц, которые могут подвергаться грамматикализации, ограничен: считается, что в него входят слова, обозначающие наиболее фундаментальные, “базовые” для человеческого опыта явления и ситуации (например, названия частей тела типа *голова, спина, рука*, обозначения простейших действий и состояний типа *быть, иметь, делать, брать, давать, говорить* и пр.)⁴. В целом, источниками грамматикализации являются обычно слова, обозначающие такие понятия, за которыми стоят простые и “конкретные” фрагменты человеческого опыта (например, пространственные отношения) и которые заключают в себе смысловой потенциал, необходимый для выражения с их помощью каких-либо более сложных и “абстрактных” понятий.

Изучение источников грамматикализации увеличивает объяснительную силу лингвистической теории и дает возможность лучше понять, что представляет собой грамматика естественного языка и “откуда она берется”. Во-первых, лексика выступает фактически в качестве главного источника, “строительного материала” грамматики;

---

³ Постулат о “функциональной мотивированности языка”, см.: Кибрик А. Е. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М., 1992. Сс. 25, 33.

⁴ Ср. опыт составления словаря-справочника возможных источников грамматикализации (включающий более 500 входов): Heine, B.; Güldemann, T.; Kilian-Hatz, Ch.; Lessau, D.; Roberg, H.; Schladt, M.; Stolz, T. *Conceptual Shift: A Lexicon of Grammaticalization Processes in African Languages*. (=Afrikanistische Arbeitspapiere 34-35.) Köln: Institut für Afrikanistik, 1993.

поэтому интересен и важен вопрос о том, какая именно лексика может являться источником грамматики и каковы те условия и пути, по которым происходит развитие грамматических конструкций. Во-вторых, без знания об источниках зачастую трудно бывает понять особенности значения и употребления тех или иных показателей; как правило, даже показатели с близким значением, но восходящие к разным источникам, в значительной мере сохраняют “следы” бывшего лексического значения. В целом, “природу грамматических категорий можно гораздо лучше понять с точки зрения источников, из которых они развиваются, а не конечного результата, к которому они приходят после длительного процесса грамматикализации”⁵.

Наконец, знание источников грамматикализации может иметь и более непосредственное “практическое” значение для исследований в области сравнительно-исторического языкознания — например, при реконструкции языковых состояний: данные о типологически возможных путях возникновения грамматических показателей могут приводиться в качестве дополнительных аргументов, подкрепляющих гипотезы о реконструкции какого-либо слова или морфемы.

Ранее глаголы движения (*motion verbs, verbs of movement*) и глаголы позиции (*posture verbs*) не раз изучались с точки зрения лексического значения (как в конкретных языках, так и в типологической перспективе). Систематическое исследование путей их грамматикализации на материале большого количества языков представлено в настоящей работе впервые. Для рассмотрения брались конкретно-языковые глаголы, описывающие какую-либо из следующих 11-ти ситуаций перемещения в пространстве: общее направленное перемещение (пешком) ~ ‘идти, перемещаться’, ненаправленное перемещение (пешком) ~ ‘ходить’, перемещение к дейктическому центру ~ ‘приходить’ и от него ~ ‘уходить’, перемещение внутрь объекта-ориентира ~ ‘входить’ и изнутри него ~ ‘выходить’, перемещение вверх ~ ‘подниматься’ и вниз ~ ‘спускаться’, перемещение обратно к начальной точке ~ ‘возвращаться’, перемещение вдоль объекта-ориентира ~ ‘проходить’ и по другую сторону от него ~ ‘переходить’. (ИДТИ как “чистый” глагол движения и УХОДИТЬ как глагол удаления, а также глаголы ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ при дальнейшей систематизации в ряде случаев объединялись в силу того, что часто эти смыслы выражались в нашем материале одной конкретно-языковой лексемой.) Были рассмотрены также 3 основные ситуации расположения (человека) в пространстве, т.е. три “позиции”: ‘стоять’, ‘сидеть’, ‘лежать’.

Тем самым, в грамматических описаниях различных языков осуществлялся поиск данных о грамматических показателях (вспомогательных глаголах, частицах, аффиксах и пр.), которые восходили бы к конструкции с глаголом движения или позиции — т.е. глаголу, выражающему какой-либо из указанных выше смыслов. Отмечалась как сама структура и буквальное значение конструкции, так и приобретенное ей грамматическое значение и примеры ее употребления.

---

⁵ Haspelmath, M. From purposive to infinitive: a universal path of grammaticization // *Folia Linguistica Historica* 10.1-2, 1989. P. 303.

Глава 2 посвящена подробному обзору путей грамматикализации конструкций с глаголами движения.

Одним из наиболее распространенных в языках мира способов использования глаголов движения является выражение с их помощью глагольной ориентации, т.е. указание на исходный или конечный пункт развития ситуации или общее направления ее развития в пространстве. Ср. ток-писин *i-wokabaut i-kam* ‘(он) пришел’ (= “двигаться прийти”) и *i-wokabaut i-go* ‘(он) ушел’ (= “двигаться уйти”) [Givyn 1991: 89] или кхмерск. хаэ **тэу** ‘улетать’ (= “лететь уходить”), хаэ **мэ:к** ‘прилетать’ (= “лететь приходиться”), хаэ **тбэнь** ‘вылетать’ (= “лететь выходить”), хаэ **лаэнг** ‘взлетать’ (= “лететь подниматься”) [Горгониев 1984: 940-941] и т.п. Глаголы движения при выражении ориентации часто выступают в сериальных конструкциях или являются вспомогательными глаголами, но могут становиться также частицами или аффиксами с пространственным значением. В ряде языков глаголы движения отмечаются также в качестве специальных показателей итива/вентива: ‘пойти/прийти куда-либо с целью совершить действие’. Во всех этих типах использования в значительной мере сохраняется исходное пространственное значение глаголов движения, причем часто (хотя и не обязательно) именно их функционирование в качестве показателей ориентации является предпосылкой дальнейшей грамматикализации этих глаголов.

Далее в этой главе для каждого из выбранных для рассмотрения глаголов разбираются возможные пути развития (близкие значения объединяются в одну группу путей), причем для каждого из путей приводятся примеры из различных языков, подробно обсуждается итоговое значение, уточняется структура исходных конструкций.

Наиболее часто грамматикализуемыми среди глаголов движения являются два основных глагола, **ИДТИ/УХОДИТЬ** (>210 яз., 10 [+8]⁶ путей) и **ПРИХОДИТЬ** (>170 яз., 10 [+9] путей). Хотя эти глаголы исходно выступают в роли дейктических антонимов (обозначая удаление vs. приближение к дейктическому центру), многие результаты их грамматикализации близки или совпадают.

Основным путем развития обоих глаголов (соотв., >60 и >50 яз.) является превращение в показатель перспектива (*prospective aspect*), указывающий на то, что в момент речи имеются предпосылки для последующего осуществления ситуации (‘вот-вот; собирается’ и пр.); ср. англ. *It's gonna rain*, франц. *Il va pleuvoir* или хауса **zâa a ruwaa** ‘сейчас пойдет дождь’ (= “идёт дождить”) [Caron 1991: 189], телугу *niwui paD-a-boo-t-unnaawi* ‘ты сейчас упадешь’ (= “идешь упасть”) [Krishnamurti, Gwynn 1985: 224]. Перспективные конструкции обычно состоят из глагола движения в форме настоящего времени и инфинитива смыслового глагола, иногда также с целевым маркированием; ср. примеры на ИДТИ/УХОДИТЬ: англ. *be going to* || *gonna*, романские формы с *aller* или *ir*, а также *go* (< англ.) и *va* (< франц.) во многих пиджинах и креольских языках, баскская конструкция с *joan*, хауса с *za*, хинди с *jānā*, телугу и тамильская с *poō-*, также многие языки конго-кордофанской семьи (особенно банту) и мн. др. Перспектив настоящего времени (исходно аспектуальное значение) имеет тенденцию эволюционировать в будущее время (такие формы часто известны как “ближайшее будущее” и т.п.), так наз. *GO-futures* и *COME-futures*. Тем самым, конструкции с основными глаголами движения являются едва ли не главным диахроническим источником форм будущего времени. В прошедшем времени перспективные конструкции обозначают обычно ситуацию, находившуюся на грани осуществления, но так и не осуще-

---

⁶ В квадратных скобках указывается число периферийных путей, отмечаемых лишь в нескольких (порядка 5 и менее) языках. Знаки >, < (более, менее) указывают на приблизительное число языков. См. также суммарные данные в таблицах 1 и 2 ниже.

ствленную ('чуть было не; хотел было'); ср. португ. *O juiz ia a abrir a boca para falar...* 'судья хотел было открыть рот (= "шел к открыть")', чтобы заговорить...', телугу *waaDu nan-nu koTT-a-boo-yEEDu* 'он меня собирался было ударить' (= "шел ударить") [Krishnamurti, Gwynn 1985: 224] и т.п.

Также часто (соотв., <60 и >30 яз.) эти глаголы используются для представления ситуации как находящейся в процессе развития, длительной или продолжающейся (имперфективная группа значений). Часто такие конструкции имеют градативный оттенок, указывая на постепенное, поступательное развитие ситуации в направлении предела ("все больше и больше"), ср. испанск. *El enfermo va mejorando* 'больной постепенно выздоравливает' (= "выздorавливая идет"), хинди *din khultā ātā thā* 'становилось все светлее и светлее' (= "день раскрываясь приходил") [Дымшиц 1986а: 342], башкирск. *Ит беше-н килә* 'мясо доваривается' (= "варясь приходит") [Юлдашев 1965: 77] и пр. (особенно часто в романских, алтайских, индоиранских, дравидийских языках). В некоторых случаях возможна квалификация таких конструкций не столько как аспектуальных, сколько как воздействующих на акциональные характеристики смыслового глагола⁷ (акциональная модификация "дуративного" типа). В ряде языков конструкции с глаголами движения передают значения прогрессива или хабитуалиса, а также (напр., в папуасских языках) континуатива.

Конструкция с ПРИХОДИТЬ (при указании на удаление из исходной точки) часто используется для выражения значения перфекта, т.е. для указания на ситуацию в прошлом, сохраняющую релевантность в момент речи (≈20 яз.); ср. франц. *Je viens d'arriver* 'я только что приехал'. Это значение, "обратное" по отношению к проспективному, часто оно известно также как "ближайшее прошедшее" (подобные формы многочисленны в языках Африки, есть в ряде сино-тибетских и др. языков). Конструкции с ИДТИ/УХОДИТЬ редко приобретают значение перфекта, но очень часто (>30 яз.) служат средством представления ситуации как завершившейся, достигшей предела развития, или как ограниченной во времени, т.е. выражают перфективное аспектуальное значение (в дравидийских, индоиранских, тюркских, тайских и др.), ср. телугу *annam tin-ees-EEDu* 'он съел еду до конца' (= "поевший ушел") [Krishnamurti, Gwynn 1985: 215], казахск. *шеп күра-п кет-ті* 'трава засохла' (= "засохнув ушла") [Юлдашев 1965: 86] и т.п.

Обоим глаголам свойственно превращение в показатели инхоатива (соотв., >20 и ≈20 яз.), причем как для указания на начало процесса, так и на приобретение свойства — 'начать делать', 'стать каким-л.' (конструкции с ПРИХОДИТЬ могут также иметь специфический оттенок 'наступление нового состояния является заключительным в ряду цепочки событий', т.е. ≈'в конце концов'); показатели императива или гортатива (соотв., >15 и >20 яз.; ср. исп. или португ. *vamos (a) inf.* 'давай сделаем', букв. "пойдем сделать"); показатели пассива (>10 яз. для каждого глагола; в итальянском и индоиранских языках, иногда с дополнительным значением возможности или долженствования); показатели следования событий во времени 'и вот; и потом...' (<10 яз. для каждого глагола; в основном в африканских и океанийских языках); показатели целевого зависимого 'для того, чтобы' (соотв., >10 и <10 яз.), а также различные модальные показатели: возможности, необходимости, условия (соотв., >10 и ≈20 яз.; ср. хинди *tairnā ātā hai* 'ты умеешь (= "приходишь") хорошо плавать' [Дымшиц 1986а: 149-

---

⁷ Имеется в виду акциональность (*actionality*) как лексическое свойство самого глагола (в русской традиции также "семантический", "аспектуальный", "таксономический" тип/класс предиката); см. работы Ю. С. Маслова и З. Вендлера и последующие классификации Л. Юхансона, Б. Комри, Т. В. Булыгиной, Е. В. Падучевой, В. Броя и др.

150, 351] или турецк. *harp et-meğ-e gel-mez* ‘нельзя объявлять войну’ (= “к объявлению войны не приходит”) [Михайлов 1965: 113-114], ср. аналогичный семантический переход в русск. *мне пришлось это сделать* ‘я был вынужден’. Они также могут становиться именными модификаторами (>10 яз. для каждого глагола): предложениями/послелогоми, иногда падежными или словообразовательными аффиксами.

К периферийным путям грамматикализации ИДТИ/УХОДИТЬ относится превращение в показатель пространственной и временной дистанции, эмфатический или вопросительный показатель, модификатор числительного, словообразовательный аффикс глагола, а также использование в сравнительной конструкции и приобретение дезидеративного значения. К периферийным путям развития ПРИХОДИТЬ относятся превращение в показатель повторного действия (рефактива), глагольный или именной показатель бенефактива (участника, в чью пользу совершается действие), показатель приближенной оценки, каузативный показатель, приобретение значения ‘еще не’ (кунктатив) и дезидеративного значения, а также использование в качестве предикатного анафорического слова и в качестве сочинительного союза.

Прочие глаголы движения грамматикализуются гораздо реже (встретились менее чем в 40 языках каждый). Из них глагол ХОДИТЬ подвергается грамматикализации относительно часто (≈30 яз., 1 [+3] путь), при этом его основным путем развития, как и для позиционных глаголов, является превращение в дуративный/имперфективный показатель (в т.ч. с прогрессивным, хабитуальным значением). Эта близость ХОДИТЬ к глаголам позиции объясняется, видимо, тем, что данный глагол обозначает ненаправленное движение, являясь единственным чисто неопределенным из рассмотренных глаголов движения. Дуративные конструкции с ХОДИТЬ характерны для иберо-романских (*andar* с герундием; ср. португ. *andava a juntar dinheiro para uma bicicleta...* ‘я копил (= “ходил собирая”) деньги на велосипед...’) и тюркских языков (*йөр-* с деепричастием, ср. башкирск. лекция *уку-п йөр-өй* ‘заниматься чтением лекций’, букв. ‘ходить читая’), а также имеются в некоторых иранских (напр., таджикск. *gaštan* с деепричастием), баскском (*ibili* с причастием), африканском языке нгити и креольском языке ток-писин. К периферийным путям грамматикализации ХОДИТЬ относится его использование в конструкциях со значением проспектива (хакасский, тибетский, иберо-романские), императивных и прохибитивных конструкциях (башкирский, язгулямский), превращение в пространственный показатель (в океанийских языках).

Основной путь развития глагола ВХОДИТЬ (всего >10 яз., 2 [+2] пути) — приобретение инхоативного значения (в некоторых алтайских языках, хауса, португальском), ср. тувинск. *ажылда-п кип-* ‘приступить к работе’ (= “работая войти”) [Исхаков, Пальмбах 1961: 413], хауса *Suka shiga nema* ‘они приступили к поискам’ (= “вошли искать”) [Смирнова 1960: 54, 70] и пр. ВХОДИТЬ функционирует как именной модификатор (типа предлога ‘внутри, внутрь’, ‘к’ и пр.) в ряде изолирующих языков Юго-Восточной Азии и Западной Африки (вьетнамском, лаха, йоруба и др.). Встречается его превращение в видо-временной показатель (язык диери, нама) и показатель следования во времени (язык марги).

Среди случаев грамматикализации глагола ВЫХОДИТЬ (≈20 яз., 1 [+7] путь) наиболее широко представлены конструкции с итоговым перфективным значением (в основном в тюркских языках, некоторых монгольских и финно-угорских, а также индоиранских), ср. башк. *китапты ук-ып сык-тым* ‘я прочел (= “читая вышел”) книгу’, *Сэй кайна-п сык-ты* ‘чай вскипел’ (= “кипя вышел”) [Юлдашев 1965: 81-83]; часто с дистрибутивной интерпретацией (ср. татарск. *үбе-п чык-* ‘(всех) перецеловать’, *кибет-ләр-не йөр-еп чык-* ‘обойти (все) магазины’, *balalarga şapkalarын kigez-ep çык-ты* ‘на (всех) детей шапки надел’. Среди его периферийных путей развития — приобретение инхоативного значения (в некоторых алтайских языках), использование в качестве

предлога (напр., ‘из; начиная с’ в кикуйю), в качестве модального слова (‘наверное’ в каракалпакском, ‘по-видимому, пожалуй’ в тайском), некоторых других типов видо-временных показателей (в кикуйю, ацтекском).

Немногочисленные случаи (>10 яз., 1 [+5] путь) грамматикализации **глагола ПОДНИМАТЬСЯ** представлены главным образом в языках Юго-Восточной Азии (аустроазиатских, тайских и сино-тибетских), где он используется в качестве инхоативного показателя, ср. вьетнамск. глагол *lên hát lên* ‘запеть’ (< ‘петь’), *rú lên* ‘закричать’ (< ‘кричать’), *úc⁷ lên* ‘разобидеться’ (< ‘обижаться’), *ghen lên* ‘взревновать’ (< ‘ревновать’), *run lên* ‘задрожать’ (< ‘дрожать’) и пр. [Панфилов 1993: 186, 188, 191]. Встречается превращение данного глагола в пространственный модификатор (типа ‘вверх; на, сверху’ или ‘из’ в ряде океанийских языков), в показатель перфективности (язык марги), континуативный показатель (язык гахуку), суффикс императива (в разговорном малайялам), показатель сравнения ‘более, чем’ (в некоторых океанийских языках).

Конструкции с **глаголом СПУСКАТЬСЯ** (всего >10 яз., 1 [+4] путь) представлены практически исключительно в тюркских языках (*ТУШ-* с деепричастием), где они почти всегда указывают на пониженную (‘чуть-чуть; слегка; не до конца’) или же повышенную (‘сильно; много; очень’) степень интенсивности проявления ситуации, в т.ч. на ее моментальность или внезапность, а иногда на незначительное удлинение времени протекания ситуации (‘еще немного’); в китайском же языке вспомогательный глагол *xia-qi* (*ся-цуй*) указывает на продолжение действия, т.е. выступает как показатель континуатива. Встречается также использование СПУСКАТЬСЯ в роли показателя сравнения ‘менее, чем’ (океанийские языки), в конструкции со значением намерения совершить действие (хинди), в качестве пространственного модификатора типа ‘вниз, внизу, под’ (в некоторых океанийских языках, а также в эве), в роли императивной частицы (в кхмерском языке).

Конструкции с **глаголами ПРОХОДИТЬ и ПЕРЕХОДИТЬ** имеют несколько распространенных типов употреблений (≈30 яз., 5 [+2] путей). Они часто используются в сравнительной конструкции (в тайских языках, многих языках Африки: нанди, разных группах конго-кордофанской семьи, нигерийском пиджине и др.), ср. маонан *ng2 vong1 taa6 fia2* ‘ты выше меня’ (= ‘ты высокий переходить-через я’) [Морев 1991: 176], нигерийск. пиджин *A drink pas yù, drink pas ol* ‘я выпил больше тебя, больше всех’ [Faraclas 1996: 78]. В ряде языков Юго-Восточной Азии к этим глаголам восходят показатели общефактического, или экспериенциального, значения ‘участнику ситуации уже приходилось, хотя бы раз, совершать действие’ (ср. китайское *-go* (*-guo*) и аналогичные показатели в тайских языках). Конструкции с ПРОХОДИТЬ могут указывать также на действие, совершаемое субъектом попутно, мимоходом, заодно с некоторым основным действием, в т.ч. небрежно (в каракалпакском, татарском, узбекском, таджикском, вьетнамском). ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ может становиться предложением/последующим (обычно с пространственным значением ‘через, сквозь, мимо’, иногда ‘по причине, благодаря’, ‘согласно тому, как’, ‘кроме’), приобретать перфективное значение (в некоторых тюркских языках, таджикском, малайялам), обозначать переход в новое состояние (*pas(s)ar a inf.* в иберо-романских языках), выражать оптативное значение (в тамильском).

Наиболее частым случаем грамматикализации **глагола ВОЗВРАЩАТЬСЯ** (всего ≈35 яз., 2 [+6] пути) является его превращение в показатель рефактива ‘делать еще раз, снова’ (в иберо-романских, океанийских языках, в различных группах языков Африки, некоторых языках Юго-Восточной Азии, в арабском), ср. испанск. *Volvió a llamar a la puerta* ‘он снова постучался (= ‘вернулся к стучаться’) в дверь’ [Канонич 1991: 137],

палау *Ak liluut el mēnguui ər a hong* ‘я перечитал (= “вернулся читать”) книгу’ [Josephs 1975: 314]. Этот глагол может использоваться также в качестве пространственного показателя, как глагольного, так и именного (обычно обозначая движение обратно или приближение); в роли показателя рефлексива (в нескольких океанийских языках), показателя будущего времени (язык тохолабаль семьи майя), показателя противоречия ожиданиям (тайский, шона) и отрицания (‘(все еще) не’ в языке масаи), а также в конструкции сравнения и при образовании прохибитива (эве).

Конструкции с глаголами движения (ИДТИ/УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПОДНИМАТЬСЯ/ВСТАВАТЬ, СПУСКАТЬСЯ, как правило с деепричастиями предшествования или совершенного вида) нередко становятся средством выражения перфективного значения. При этом имеются языки, в которых существует целый ряд перфективирующих вспомогательных глаголов (от 4-5 до порядка 20), среди которых глаголы движения обычно занимают ведущее место (из других глаголов встречаются также ‘давать’, ‘брать’, ‘бросать’, ‘ставить’, ‘класть’, ‘оставлять’ и реже некоторые другие), причем разные вспомогательные глаголы бывают распределены в зависимости от семантического класса смыслового глагола или от выражаемого “оттенка” значения (типа внезапности или полного охвата множественного объекта). Подобная ситуация в работе рассматривается под рубрикой “**системы аналитической перфективации**”; примеры таких систем (в основном в ряде языков Азии) характеризуются в специальном разделе главы 2.

Так, традиционно в качестве средств выражения “законченности действия”, “исчерпанности, полноты”, “комплетивности”, “предельности” и т.п. характеризуются конструкции с так наз. “векторными глаголами” (‘идти/уходить’, ‘приходить’, ‘подниматься, вставать’, ‘брать’, ‘давать’, ‘бросать’ и пр.) в индоарийских языках (в дравидийских ситуация похожа, хотя число вспомогательных глаголов обычно меньше), так наз. “результативные глаголы” в ряде изолирующих языков Юго-Восточной Азии (‘подниматься’, ‘спускаться’, ‘выходить’, ‘входить’, ‘проходить’ и пр. в китайском; ‘уходить’ ~ ‘приходить’, ‘входить’ ~ ‘выходить’, ‘подниматься’ ~ ‘спускаться’ в тайских языках; ‘идти’, ‘выходить’, ‘приходить’, ‘подниматься’ во вьетнамском). Вероятно, к языкам с аналитической перфективацией следует отнести и тюркские языки, в которых перфективное значение, с различными дополнительными оттенками, выражает ряд деепричастных конструкций с глаголами ‘уходить’, ‘давать’, ‘брать’, ‘посылать’, ‘класть’, ‘достигать’, ‘оставаться’ и пр. Наконец, отмечаются (хотя и занимают более периферийное место) аналогичные случаи в некоторых нахско-дагестанских языках (багвалинский, арчинский).

Все эти системы проявляют ряд общих свойств: сходный набор самих перфективных модификаторов (вспомогательных глаголов), наличие у каждого из них лексических ограничений на сочетаемость со смысловыми глаголами (в терминах акционального класса смыслового глагола, его переходности, лексической семантики и пр.), общая функция таких модификаторов (указание на “переломный момент”, “предел” развития ситуации, на “достижение результата” и т.п.). Можно заметить, что подобные системы во многом близки системам с так наз. “перфективом славянского типа” (представленным в славянских, а также в той или иной степени в литовском, грузинском, венгерском, осетинском, некоторых чадских и микронезийских языках), в которых средством перфективации являются приставки или суффиксы, реже частицы, с исходным пространственным значением (так наз. *bounders*, “ограничители”) — причем и здесь количество показателей также достаточно велико, каждому из них свойственны свои лексические ограничения и свои “оттенки значения”, а семантически функция таких показателей сводится в основном к указанию на “выделенную точку” в составе

ситуации, на ее начальный или конечный предел⁸. Как и системы аффиксальной перфективации, системы “аналитической перфективации” часто являются слабо грамматикализованными и тесно связаны со словообразованием с его нерегулярностью и лексической избирательностью.

Подобные показатели, возможно, более верно считать не столько показателями “перфективации”, сколько показателями, подчеркивающими наличие в структуре ситуации предела развития. Эти показатели часто могут совмещаться с разными собственно аспектуальными показателями (как перфективными, так и имперфективными — например, с настоящим временем), что указывает на то, что их роль состоит скорее в изменении акционального типа глагола, т.е. в превращении его в предельный (≈“телисизация”, ср. англ. *telicity* ‘предельность’). Тем самым, по крайней мере исходно функция служебных единиц—“ограничителей”, в т.ч. вспомогательных глаголов, является скорее акциональной (указание на тип происходящего процесса), а не чисто аспектуальной. Не удивительно, что в качестве вспомогательных глаголов используются именно лексемы со значением изменения состояния, прежде всего предельные глаголы движения.

Тот факт, что для указания на предел/результат действия используется целый набор показателей, выбор которых зависит от семантики смыслового глагола, говорит о важности для естественного языка маркировать различия в характере результата разного типа действий (прежде всего с точки зрения того, каковы пространственные характеристики этого результата). Языки с “системами аналитической перфективации” проявляют как сходства, так и различия в стратегиях “классификации” ситуаций по типу результата: ср. обозначение ‘умереть’ как “умерев уйти” во многих языках (тамилск. *irantu pō-*, хакасск. *өл нар-*, мулам *taajl paajl* и пр.), но ‘съесть’ либо как “есть + подниматься” (китайск. *чи-шан*, ср. англ. *eat up*, либо как “есть + спускаться” (лао *kin2 long2*, ср. русск. *с-ъесть*).

Наконец, встречаются **удвоенные конструкции** с повторением смыслового глагола и использованием двух, обычно антонимичных, глаголов движения в качестве служебных единиц. Наиболее распространено использование таких конструкций для выражения множественности ситуаций (итератив, иногда указание на длительное и безуспешное действие); это явление характерно для языков Юго-Восточной Азии, ср. вьетнамск. *chạy đi chạy lại* ‘бегать туда и обратно’ (= “бежать уходить бежать приходиться”), *đọc đi đọc lại* ‘читать и перечитывать’ (= “читать уходить читать приходиться”), китайск. *xiang lái xiang qù* ‘думал и думал (но ничего хорошего так и не надумал)’ (= “думать приходиться думать уходить”) [Храковский (ред.) 1989: 231, 241-242; Панфилов 1993: 192]. В китайском языке удвоенная конструкция “V-ПРИХОДИТЬ V-УХОДИТЬ” употребляется также для выражения реципрока, ср. *tamen da lai da qu* ‘они побили друг друга’ (= “ударить приходиться ударить уходить”) [Liu 1999: 124-125].

Глава 3 посвящена путям грамматикализации глаголов позиции. Все эти глаголы с точки зрения результатов грамматикализации образуют весьма однородную группу: основным путем развития для них является превращение в имперфективный показатель; для них характерно также функционирование в качестве эквивалентов бытийных глаголов (это явление рассматривается в специальном разделе).

---

⁸ См. общую характеристику данного явления в работе: Bybee, J.L.; Dahl, Ц. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language* 13-1: 51-103, 1989.

Позиционные глаголы являются одним из основных диахронических источников **бытийных глаголов** ('быть, иметься, находиться', 'становиться'), а также глаголов-связок. Случаи превращения глагола позиции в чисто бытийный глагол (с утратой исходного "позиционного" смысла) известны в индоевропейских языках: так, к индоевропейскому корню *stā 'стоять' восходят глаголы со значением 'быть' в ряде романских (ср. *estar* в исп. и португ., *stare* в итал.) и кельтских языков (ср. ирл. *ta* или шотл. *tha*); ср. также русск. *стать*, в настоящее время используемый как глагол приобретения состояния. Вероятно, к глаголу *wi-* с исходным значением 'сидеть' восходит *i-* (*iru*) 'быть (об одушевленных субъектах)' в современном японском языке. Аналогичные примеры имеются и в других языковых семьях.

Зачастую даже при наличии в языке самостоятельного глагола 'быть' позиционные глаголы могут допускать расширенное использование, выступая фактически как стандартное средство обозначения пространственного расположения объекта. Такая ситуация характерна для славянских и германских языков, ср. русск. *Возле стены стоим* шкаф, *На столе лежат* ложки, *Пробка крепко сидит* в бутылке; швед. *Affischen sitter på väggen* 'плакат висит (букв. "сидит") на стене', русско-норв. пиджин руссе-норск *Kor ju ligga ned paa gammel dag?* 'где ты был (букв. "лежал") вчера?' [Belikov 1993] и т.п. Здесь глагол позиции фактически выполняет функцию бытийного глагола, хотя выбор конкретного глагола позиции зависит обычно от типа объекта (напр., его вертикальной или горизонтальной ориентации), а также ряда других факторов.

Если глагола 'быть' в языке нет, глаголы позиции являются фактически единственным средством выражения существования и местонахождения. Широко представлено использование глаголов позиции в качестве бытийных в австралийских (см. (1) из диери) и папуасских языках, встречается оно и в других ареалах (Африка, Америка).

(1) диери [Austin 1981: 104]

гара	riṅa	panṭiṅi	paḍayi.
вода	большая	озеро-LOC	лежать-PRS
<i>В озере много воды (букв. "лежит").</i>			

Поскольку выбор того или иного глагола зависит обычно от типа объекта, глаголы позиции во многих из таких языков рассматриваются в рамках системы именных классификаторов (так наз. "классифицирующие бытийные глаголы": ср. "*predicate classifiers*", "*verbal classifiers*").

В функции бытийного глагола могут выступать любые из трех основных глаголов позиции — иногда все три из них, или же какой-либо один: чаще всего СИДЕТЬ или СТОЯТЬ, реже ЛЕЖАТЬ (в нашем материале примерно по 20 случаев для каждого глагола). В целом приобретение бытийного использования не является непременной предпосылкой дальнейшей грамматикализации глаголов позиции, хотя и такой путь достаточно частотен. Само же по себе превращение глагола позиции в бытийный глагол представляет собой не пример грамматикализации в строгом смысле, а скорее развитие лексического значения глагола. Вместе с тем, имеются и основания рассматривать превращение в 'быть' или связку (которые играют особую роль в грамматической системе языка) в качестве однонаправленного процесса, демонстрирующего действие стандартных для грамматикализации механизмов развития.⁹

⁹ Ср. в этой связи работу: Devitt, D. The diachronic development of semantics in copulas // *Proceedings of the 16th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1990.

Основной путь грамматикализации глаголов позиции, отмечаемый во многих языках по всему миру, это превращение конструкций с этими глаголами в средство обозначения нахождения ситуации в процессе развития, или для указания на ее длительный или статический характер, а также на регулярное осуществление (повторяемость) или продолжение. В качестве форм с **имперфективным** значением, а именно, со значением прогрессива или хабитуалиса, обычно описываются конструкции германских — главным образом скандинавских — языков (с глаголами позиции и инфинитивом смыслового глагола, или сочинительные с союзом ‘и’), ср. нидерл. *Zij zit te lezen* ‘она (сидит) читает’ или *Hi sat ende at* ‘он (сидел и) ел’ [Братусь, Рубцова 1985: 93; Миранов и др. 2000б: 245].

Аналогичные сочетания представлены в славянских языках: исходно это также сочинительные конструкции (ср. болгарск. *Дрехите седят и събират прах* ‘одежда постоянно собирает пыль’ (= “сидят и собирают”; ≈ русск. “висит пылится”), *Бабама му през цялото време стои и мърмори* ‘его отец все время ворчит’ (“= стоит и ворчит”; ≈ русск. “ходит ворчит”)¹⁰ или так наз. “сериализованные” конструкции (ср. русск. *сидит* *пишет*, *сидит* *плачет*, *стоит* *курит*, русск. диал. *дерева сохнут стоят* и пр.): для таких конструкций характерна некоторая “десемантизация” глагола позиции, однако в основном они сохраняют исходное пространственное значение.

Вместе с тем, в ряде других языков, прежде всего Азии и Африки, имеются многочисленные случаи более продвинутой степени грамматикализации глаголов позиции. Так, в тюркских и монгольских, а также в ряде финно-угорских языков распространены деепричастные конструкции с глаголами позиции, имеющие имперфективное значение, ср. башкирск. *Ел әрә-п тор-а* ‘дует ветер’ (= “ветер дует стоит”), *Хаты кил-еп тор-а* ‘от него письма приходят регулярно’ (= “его письма приходя стоят”) [Юлдашев 1965: 66, 71]. Как показывают примеры типа ногайск. *Мен уьй сала-ят-ыр-ман* ‘я строю дом’ (= “строю лежу”) [Юлдашев 1965: 57], исходный позиционный смысл вспомогательных глаголов часто уже полностью утрачен. В ряде тюркских языков грамматикализованные глаголы позиции употребляются только или в основном в настоящем времени, так что они трактуются иногда как собственно показатели презенса.

В ряде языков (напр., во многих германских, тюркских или в койсанском языке кхое) имеются примеры использования всех трех глаголов позиции в дуративных/имперфективных конструкциях; в других языках грамматикализованы только два или один из этих глаголов. Интересно, что с точки зрения частотности (т.е. количества языков, в которых представлены случаи грамматикализации данного глагола) первое место занимает глагол СИДЕТЬ (> 55 яз., 1 [+8] путь): во многих языках именно этот глагол является единственным грамматикализуемым из глаголов позиции. Вторым по частотности идет СТОЯТЬ (> 40 яз., 1 [+8] путь), наиболее редок ЛЕЖАТЬ (> 25 яз., 1 [+3] путь).

Грамматикализация глагола СИДЕТЬ в имперфективный показатель преобладает в языках Африки (в т.ч. афразийских) и Австралии, где он почти всегда является единственным из грамматикализуемых глаголов позиции. Прогрессивное и/или хабитуальное значение имеют конструкции с СИДЕТЬ в ряде афразийских (арабский Персидского залива (см. (2)), мальтийский, а также суданский креол, кабийский) и нило-сахарских языков (мамву, нгамбай, нобиин, нубийском диалекте донгола), в языках нигер-конго (шона, эсилуйана, зулу, диола, гбайя), в австралийских и папуасских языках (гунья, альяварра, мидага, амеле).

---

¹⁰ Грамматикализованные сочинительные конструкции с глаголами позиции в болгарском и некоторых др. языках рассматриваются в работе: Kuteva, T. On ‘sit’/ ‘stand’/ ‘lie’ auxiliaries // *Linguistics* 37-2: 191-213, 1999.

(2) арабский Персидского залива [Holes 1990: 196]

kint   **gaaʔid**   azraʕ   baʕal   yoom   jiiʔatik.
был.1SG   IPF   1SG.сажать   лук   когда   приходит.2SG

Я как раз сажал лук, когда ты пришел.

Из языков Азии подобные конструкции отмечаются в некоторых индоиранских (маратхи, таджикский, язык афганских хазара) и сино-тибетских (в неварском, в тибетском диалекте лхаса); из языков Америки отметим диегеньо, хиваро, пима-альто и дакота. В ряде случаев для подобных конструкций характерно значение континуатива (напр., в африканских языках канакуру, масаи, в австралийском языке йандруванта и др.).

Случаи грамматикализации **глагола СТОЯТЬ** с прогрессивным/ дуративным/ хабикуальным значением имеются также в некоторых языках Азии (малайялам, таджикский), в океанийских (фиджи), папуасских (имонда), нило-сахарских (нгамбай, нубийский), америндских (дакота) языках. Ср. таджикск. *Обаш лап-лап карда ме-истад* ‘вода все время плещется’ (= “плеск деляя стоит”) [Расторгуева, Керимова 1964: 220].

Тюркские конструкции с СТОЯТЬ (*тур-, тор-*) иногда допускают различные интерпретации для разных типов глаголов; так, помимо имперфективных значений, данная конструкция может выражать также результативное (и иногда перфектное), т.е. указывать на наступившее итоговое состояние; ср. карач.-балкарск. *Ол джукъла-б тур-а-ды* ‘он спит’ (= “заснув стоит”), *Эшик (алкъын) ачыл-ыб тур-а-ды* ‘дверь (все еще) открыта’ (= “открывшись стоит”) [Недялков, Недялков 1987: 114, 116]. Перфектное значение свойственно также форме с ‘садиться’ в арчинском языке (северокавказские).

Глагол ЛЕЖАТЬ в составе имперфективных конструкций встречается реже (хотя для тюркских языков отмечается относительно бóльшая распространенность конструкций с ЛЕЖАТЬ, чем с СИДЕТЬ). Эти конструкции могут передавать прогрессивное значение (австралийский язык аляаварра), подчеркивать длительность ситуации (фиджи, папуасский язык усаруфа), иметь хабикуальное или континуативное значение (папуасский язык амеле). Стативное/результативное значение имеют конструкции с ЛЕЖАТЬ в тамильском языке (см. (3)) и малайялам, а также в хинди и нубийском.

(3) тамильский [T. Lehmann 1993: 223]

anta arai   puuttik   **kitakkiratu.**

этот комната   закрываться-CONV   **лежать-PST-3SG.N**

Эта комната (постоянно) закрыта (= “закрывшись лежит”).

Прочие пути развития глаголов позиции являются **периферийными**, они отмечаются редко и их относительно немного. Так, конструкция с СТОЯТЬ может приобретать значение перспектива (ср. иврит *ani omed lalexet* ‘я собираюсь пойти’ (= “стою пойти”), кумыкск. *Ол гетме тура* ‘он вот-вот уйдет’ (= “стоит уходить”) [Гаджихмедов 1998: 36] и пр.); а также становится пространственным показателем (‘поблизости, рядом’ в африканских языках нама и булу, ‘на поверхности’ в адыгских языках) или деривационным показателем глагола (в некоторых австралийских языках). ВСТАВАТЬ может приобретать инхоативное значение (татский язык; ср. также русск. *Я стал искать с ним ссоры*, Владимир *стал дожидаться* и пр. с вспомогательным глаголом *стать*), становится императивным показателем (в классическом иврите, в нило-сахарском языке нгити), показателем следования событий (‘и вот потом...’, в средне-египетском языке). СИДЕТЬ может становиться пространственным показателем (‘наверх, сверху’ в языках пенути, ‘внутри’ в некоторых океанийских и ‘возле, рядом’ в африканских), использоваться в прохибитивных и императивных конструкциях (в австралийских языках), приобретать модальное значение (‘кажется, как видно; оказывается’ в хакасском, долженствование в були), а также значение ‘тем не менее; ещё не’ (в

шона). САДИТЬСЯ может также приобретать инхоативное значение (авестийский, татский язык). ЛЕЖАТЬ отмечается в качестве показателя близкого прошедшего времени, а также в качестве деривационного показателя (некоторые австралийские языки). Кроме того, конструкции с глаголами вхождения в состояние — САДИТЬСЯ, ВСТАВАТЬ, редко ЛОЖИТЬСЯ — отмечаются в качестве перфективных модификаторов (в индоиранских, некоторых тюркских, марийском).

Интересно, что как имперфективным, так и перфективным конструкциям с СИДЕТЬ и ЛЕЖАТЬ (и их динамическим эквивалентам) зачастую бывает свойственна негативная оценка: имеющая место ситуация оценивается говорящим как нежелательная, ненужная, неуместная или напрасная, либо как совершающаяся кое-как или медленно, с трудом.

В главе 4 делаются общие выводы о закономерностях грамматикализации глаголов движения и позиции.

В разделе 4.1 все выявленные пути обобщаются по итоговым категориям (вид, время, модальность, синтаксические показатели и пр.): показывается, какие из рассмотренных исходных глаголов могут становиться показателями данных категорий и какую роль занимают глаголы движения и позиции среди других известных источников этих категорий, а также обсуждаются возможные объяснения путей семантического развития.

Конструкции с глаголами движения и позиции в подавляющем большинстве случаев превращаются в глагольные же модификаторы. О частом использовании глаголов движения в функции показателей **пространственной ориентации** говорилось выше; глаголы позиции, хотя и значительно реже, также могут выступать в специальных конструкциях, указывающих на пространственное расположение субъекта при осуществлении действия (напр., ‘делать сидя’, ‘делать стоя’ и пр.)

Наиболее значительная часть итоговых значений рассмотренных грамматикализованных конструкций относится к трем основным глагольным семантическим областям: виду (аспектуальности), времени (темпоральности) и модальности, ср. распространенный термин “*TMA categories*” (от триады *Tense-Mood-Aspect*).

Интересно, что глаголы движения и позиции не становятся сразу показателями абсолютного **глагольного времени** в чистом виде. Для конструкций ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ (и некоторыми др. глаголами) характерно приобретение аспектуального значения **проспектива**, с дальнейшей эволюцией в собственно временное значение будущего. Значение же прошедшего времени у конструкций с глаголами движения возникает, как правило, также на основе исходно аспектуального значения — **перфекта**. (Кроме того, перфектное значение может появляться у конструкций, обычно с вспомогательными глаголами позиции, с исходным значением результата.) Описываемые же иногда в качестве показателей настоящего времени конструкции с глаголами позиции представляют собой частный случай использования конструкций с имперфективным значением (имперфектив, ограниченный настоящим временем). Можно сказать, что во всех этих случаях аспектуальное значение исходно, оно предшествует темпоральному, так что имеет место своеобразное развитие в направлении “темпорализации”: ВИД > ВРЕМЯ.

Основные глаголы движения (реже др. глаголы) выступают также в роли показателей следования событий во времени в нарративном дискурсе (‘и потом произошло...; и вот...’): исходно функционирование таких показателей связано, по-видимому, с выделением некоторых **ключевых моментов** в повествовании или с “оживлением” нарративной стратегии.

В целом, глаголы движения и позиции (особенно первые) играют особую роль при выражении временных отношений в силу того, что сама по себе модель времени часто концептуализируется и выражается в языке через движение (или расположение в пространстве): субъект движется во времени из прошлого к будущему, т.е. прошлое представляется как источник движения (из которого субъект “приходит”, ср. путь развития ‘приходить от’ > ‘перфект/ прошедшее время’), а будущее как его цель (к которой он направляется, ср. путь развития ‘идти/приходить к’ > ‘перспектив/ будущее время’). Данная модель “движения субъекта во времени” проявляется и при интерпретации некоторых аспектуальных форм (напр., в алтайских, романских языках), когда конструкции с различными вспомогательными глаголами позволяют подчеркнуть “перспективный” или “ретроспективный” взгляд на развитие длительной ситуации.

Значения из аспектуальной области преобладают в качестве итоговых значений, т.е. в целом глаголы движения и позиции как источники вносят наибольший вклад именно в данную семантическую область. Конструкции с глаголами движения и позиции используются для выражения широкого спектра значений, связанных с описанием ситуации в процессе развития: это собственно имперфективные значения (прогрессив, дуратив и хабитуалис), а также часто выражаемые теми же средствами континуативное и стативное значения. Конструкциям с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ (но не с глаголами позиции) часто свойственно специфическое градативное значение (‘постепенно, все больше и больше’). Поскольку на ранних этапах развития вспомогательные глаголы в подобных конструкциях сами по себе часто несут имперфективное маркирование, исходная функция таких конструкций состоит скорее в модификации особого акционального типа ситуации, т.е. в представлении ее как градуально развивающегося процесса. Средством выражения перфективности могут становиться конструкции со многими глаголами движения и вхождения в состояние (ВСТАВАТЬ, САДИТЬСЯ, ЛОЖИТЬСЯ), при этом зачастую в языке имеется целый набор перфективных конструкций с разными вспомогательными глаголами (“аналитическая перфективация”). По нашему мнению, функция таких вспомогательных глаголов исходно заключается также не в маркировании определенного аспектуального значения (собственно “перфективация”), а скорее в маркировании акционального типа ситуации, обозначаемой глаголом (указание на наличие у нее предела, результата определенного типа, т.е. своего рода “телисизация”): таким образом, общая линия развития может быть представлена как АКЦИОНАЛЬНОСТЬ > ВИД. Лишь в некоторых случаях (как, напр., в случае каталанск. *anar* ‘идти, уходить’ + *inf.*) следует говорить о других механизмах развития перфективного значения.

Конструкции с различными глаголами часто становятся показателями инхоатива (начальной фазы ситуации), в т.ч. трансформатива (приобретения свойства, ‘стать каким-либо’); иногда также показателями рефактива (‘сделать снова’); показателями общефактического/экспериментального значения; средствами подчеркивания сильной/слабой интенсивности действия.

Модальные значения в качестве итоговых встречаются реже: наиболее часто отмечается использование глаголов движения (иногда позиции) для маркирования императивных значений (гортатива, собственно императива, прохибитива). Исходно подобные конструкции обычно указывают на движение к цели (‘пойди сделать’, ‘пойдем сделать’ и пр.): при помощи конструкций с глаголами движения переход исполнителя к новому действию представляется через пространственное перемещение к новой цели.

Значения возможности (‘быть способным; мочь; быть разрешенным’, ‘возможно, что...’) и необходимости (‘быть должным, необходимым’), иногда другие типы ирреальных значений, выражаются в основном при помощи конструкций с ПРИХОДИТЬ и ИДТИ/УХОДИТЬ. В основе здесь лежит идея приближения/удаления относительно

дейктического центра (понимаемого в данном случае как некий центр “шкалы реальности”). Исходные конструкции могут быть двух основных типов: при обозначении внутренней возможности используются обычно целевые конструкции с инфинитивом (‘X идет сделать’ = ‘X может сделать’, т.е. приближение субъекта к ситуации рассматривается как его способность ее осуществить); конструкции же со значением возможности и необходимости с ПРИХОДИТЬ иногда исходно обозначают движение самой ситуации к субъекту (часто в таком случае используется неизменяемая безличная форма глагола движения; ср. русск. *мне пришлось это сделать*): в данном случае приближение самой ситуации рассматривается как ее вероятность или обязательность. Редко встречаются также случаи приобретения дезидеративного значения, указание на противоречие ожиданиям, на отрицательную оценку и пр.

Ряд результатов грамматикализации глаголов движения и позиции связан с маркированием разного рода **синтаксических** отношений: прежде всего это выражение некоторых типов **ролевых отношений** (использование конструкций с ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ как показателей пассива; отмечаются также случаи превращения в показатели рефлексива и реципрока, бенефактива и каузатива), образование сравнительной конструкции (в основном с ПРОХОДИТЬ/ ПЕРЕХОДИТЬ), использование в качестве показателей **целевого** зависимого предложения, аппликатива, в функции модификатора целевой именной группы.

Единственным массовым путем грамматикализации глаголов движения (реже позиции) как **именных** модификаторов является их превращение в предлоги/послелogi, иногда в падежные или словообразовательные аффиксы (в первую очередь с пространственным, иногда также с временным или более абстрактным значением).

Во втором разделе 4.2 делаются некоторые **статистические** обобщения по поводу частотности случаев грамматикализации различных глаголов, приводятся приблизительные оценки вероятности разных путей грамматикализации для каждого глагола. В целом, грамматикализация глаголов движения засвидетельствована в языках мира гораздо чаще (почти 300 языков, т.е. порядка 75% из всех рассмотренных), чем глаголов позиции (менее 60 языков, т.е. порядка 15%)¹¹. Глаголы ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ являются абсолютными “чемпионами” по частоте: грамматикализация ПРИХОДИТЬ представлена немногим менее, чем в половине рассмотренных языков, тогда как грамматикализация ИДТИ/УХОДИТЬ даже более, чем в половине. У этих же глаголов обнаружено наибольшее число путей развития — по 10 основных путей и чуть менее чем по 10 периферийных (эти два глагола входят в число наиболее “грамматизируемых” в языках мира лексем вообще). Материал работы дает возможность вычислить приблизительную долю каждого из путей грамматикализации для каждого конкретного глагола (% языков); такие оценки можно считать приблизительными оценками вероятности этих путей развития (т.е. вероятность встретить в еще не обследованных языках именно такой путь развития данного глагола). Такие оценки являются нестрогими и достаточно условными, однако они помогают представить основные тенденции, выявленные в рассмотренном материале:

* Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ИДТИ/УХОДИТЬ являются значения будущего времени/перспектива (около 30%) и значения имперфективной аспектуальной области (менее 30%); помимо этого, отмечается приобретение значений перфектива/прошедшего времени или перфекта (порядка 15%), а также инхoатива, императивных и модальных значе-

---

¹¹ Примерно в 70 языках из выборки не было обнаружено каких-либо случаев грамматикализации глаголов движения или позиции.

ний, целевого значения, превращение в показатель пассива, следования во времени, именной модификатор (порядка 5-10% для каждого пути).

* Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ПРИХОДИТЬ являются значения будущего времени/перспектива (порядка 30%) и значения имперфективной аспектуальной области (около 20%); помимо этого, отмечается приобретение императивных значений, значений перфекта/ перфектива/ прошедшего времени, наступления нового состояния и модальных значений возможности и необходимости (чуть более 10% для каждого из путей), а также приобретение целевого значения, превращение в показатель пассива, следования во времени, именной модификатор (менее 10% для каждого пути).

* Наиболее распространенным результатом грамматикализации конструкций с глаголом ВОЗВРАЩАТЬСЯ является значение рефактива (порядка 80%).

* Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ являются использование в сравнительной конструкции (порядка 30%), а также приобретение экспериенциального значения, значения перфектива, значения комитативного способа действия, превращение в модификатор имени (менее или порядка 20% для каждого пути).

* Наиболее распространенным результатом грамматикализации конструкций с глаголом ВЫХОДИТЬ является перфективное значение (более 50%).

* Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ВХОДИТЬ является значение инхотива (порядка 50%), а также превращение в модификатор имени (менее 40%).

* Наиболее распространенным результатом грамматикализации конструкций с глаголом ПОДНИМАТЬСЯ является инхотивное значение (порядка 50%).

* Наиболее распространенными результатами грамматикализации конструкций с глаголом ХОДИТЬ и глаголами позиции (СИДЕТЬ, СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ) являются значения имперфективной аспектуальной области (порядка 90%).

Данные по материалу, представленному в главах 2-3 работы, суммированы в таблицах 1-2, в которых для каждого из глаголов представлена следующая информация: (А) в скольких из рассмотренных языков имеются случаи грамматикализации данного глагола (т.е. хотя бы один случай); (Б) в скольких языках имеется более одного случая грамматикализации одного источника (так наз. явление “полиграмматикализации”); (В) каково число основных путей грамматикализации (в скобках указано также число периферийных путей); список путей грамматикализации с указанием приблизительного числа случаев для каждого.

ТАБЛИЦА 1. Пути грамматикализации глаголов движения.¹²

<i>Глагол</i>	<i>А</i>	<i>Б</i>	<i>В</i>	<i>Результат</i>
ИДТИ / УХОДИТЬ	>210	>50	10 (+8)	Будущее время, перспектив >60
				Имперфективные значения <60
				Перфектив, прошедшее время, перфект >30
				Инхоативное значение >20
				Императивные значения >15
				Пассивная конструкция >10
				Модальные значения >10
				Целевое значение >10
				Модификатор именной группы, аффикс существительного >10
				Следование во времени <10
				Простр. и врем. дистанция ≈5
				Указание на временной отрезок <5
				Вопросительность, эмпфаза <5
				Сравнительная конструкция <5
				Модификатор числительного <5
				Дезидеративное значение 1
				Словообр. суффикс глагола 1
Классифицирующий вспом. глагол 1				
ПРИХОДИТЬ	>170	>50	10 (+9)	Будущее время, перспектив >50
				Имперфективные значения >30
				Перфект, прошедшее время, перфектив ≈20
				Наступление нового состояния ≈20
				Модальные значения: возможность, необходимость ≈20
				Императивные значения >20
				Пассивная конструкция >10
				Целевое придаточное <10
				Следование во времени <10
				Модификатор именной группы >10
				Рефактивное значение <5
				Бенефактив <5
				Дезидеративное значение ТЯ
				Кунктатив ('еще не') <5
				Указание на временной отрезок <5
				Приближенная оценка <5
				Каузатив <5
Предикатная анафора 1				
Сочинительный союз 1				

¹² Данные по превращению в показатели глагольной пространственной ориентации не приводятся; данные по “бытийному” употреблению глаголов позиции приводятся в квадратных скобках (но не учитываются при подсчетах количества языков с грамматикализацией). Обозначения: “ТЯ” = тюркские языки.

<i>Глагол</i>	<i>А</i>	<i>Б</i>	<i>В</i>	<i>Результат</i>
ХОДИТЬ	≈30	<5	1 (+3)	Имперфективные значения ≈25 Проспективное значение >5 Императивные значения >5 Пространственный показатель 1
ВХОДИТЬ	>10	0	2 (+2)	Инхоативное значение >5 Модификатор именной группы >5 Видо-временной показатель 1 Следование во времени 1
ВЫХОДИТЬ	≈20	<5	1 (+6)	Перфективное значение >10 Инхоативное значение <5 Модификатор именной группы <5 Модальные значения <5 Близкое прошедшее время 1 Быстрое осуществление действия 1 Перемещение относительно агенса 1
ПОДНИМАТЬСЯ	>10	0	1 (+5)	Инхоативное значение ≈5 Пространственный показатель <5 Перфективное значение <5 Континуативное значение 1 Императивное значение 1 Показатель сравнения 1
СПУСКАТЬСЯ	>10	0	1 (+4)	Интенсивное, аттенуативное, континуативное значение >5 Пространственный показатель <5 Показатель сравнения <5 Интенциональное значение 1 Императивное значение 1
ПРОХОДИТЬ / ПЕРЕХОДИТЬ	≈30	≈5	5 (+2)	Сравнительная конструкция >5 Перфективное значение ≈5 Модификатор именной группы >5 Экспериментальное значение >5 Комитативный способ действия ≈5 Трансформативное значение <5 Оптатив 1
ВОЗВРАЩАТЬСЯ	≈35	≈5	2 (+6)	Рефактивное значение <30 Пространственный показатель ≈5 Рефлексив <5 Показатель противоречия ожиданиям <5 Показатель отрицания 1 Показатель сравнения 1 Прохибитив 1 Будущее время 1

Глаголы движения и позиции грамматикализуются в языках мира очень часто, поскольку они обозначают базовые и существенные для человеческого опыта ситуации, в терминах которых человеку оказывается легче описать какие-то другие ситуации и явления (например, представить наступление ситуации в будущем как процесс перемещения к ней или представить длительное или постоянное действие как действие, совершаемое в устойчивом неподвижном состоянии, например, сидя или стоя).

ТАБЛИЦА 2. Пути грамматикализации глаголов позиции.

<i>Глагол</i>	<i>А</i>	<i>Б</i>	<i>В</i>	<i>результат</i>
СТОЯТЬ (* = ВСТАВАТЬ)	≈40 +ТЯ	<5	1 (+8)	Имперфективные значения, результатив ≈20(+ТЯ) Инхоативное значение <5 Проспектив <5 Словообр. модификатор глагола <5 Пространственный показатель <5 Перфективное значение* <5 Императивное значение <5 Заглазное прошедшее время 1 Следование событий 1 [Бытийное употребление ≈20]
СИДЕТЬ (* = САДИТЬСЯ)	≈55 +ТЯ	<5	1 (+8)	Имперфективные значения >35(+ТЯ) Пространственный показатель <5 Инхоативное значение <5 Императивные значения <5 Перфективный модификатор, внезапность, не- гативная оценка* <5 Модальные значения <5 Перфектное значение 1 Кунктатив ('еще не') 1 [Бытийное употребление ≈20]
ЛЕЖАТЬ (* = ЛОЖИТЬСЯ)	≈25 +ТЯ	0	1 (+3)	Имперфективные значения, результатив ≈20(+ТЯ) Перфективное значение* <5 Прошедшее время 1 Словообр. модификатор глагола 1 [Бытийное употребление ≈20]

Среди исходных лексем есть те, которые обладают особенно большим “потенциалом грамматикализуемости”: такие глаголы, как ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, выступают во многих исходных конструкциях, которые используются для выражения многих значений, производных от исходного пространственного. С другой стороны, и среди итоговых категорий некоторые представляют собой “точки схождения” путей развития многих различных источников (например, перфективное или инхоативное значение). Тем самым, в языках мира представлено большое количество примеров множественного, а не взаимно-однозначного, соотношения между источниками и результатами грамматикализации.

Определяющим для пути грамматикализации является обычно значение всей **конструкции** в целом, так что в составе конструкции одного типа могут выступать разные лексические источники, но при этом определенные стороны значения глаголов могут “уйти в тень” и не играть существенной роли (нейтрализовываться). Так, именно особая конструкция с каким-либо глаголом движения и смысловым глаголом в форме инфинитива (часто с дополнительным маркированием движения к конечной точке: ‘идёт/приходит к V’), является исходной для форм будущего времени/проспектива, а также для целевых показателей, показателей следования во времени, императивных показателей и др. Напротив, конструкции со значением удаления из исходного пункта или перемещения (‘приходит из V’, ‘ушел, сделав V’ и пр.) используются для указания на завершившуюся до точки отсчета ситуацию. Что же касается конструкций, в кото-

рых ни начальная, ни конечная точка не специфицируются (а обозначается “просто перемещение” при совершении некоторого действия: ‘идёт/приходит/ходит, делая V’), то именно они обычно являются источниками имперфективных показателей.

С другой стороны, “одно и то же” может получаться из различных лексических источников путем разных метафорических переосмыслений: каждая из различных исходных структур может своим способом “дойти” до одного и того же результирующего значения. Так, для конструкций с ПРИХОДИТЬ и ВХОДИТЬ появление инхоативного значения объясняется осмыслением начала ситуации как достижения местоположения (‘прийти куда-либо’, ‘войти во что-либо’); для конструкций же с УХОДИТЬ и ВЫХОДИТЬ не исключено и осмысление “удаления со сцены” при совершении действия как начала этого действия (‘ушел/вышел, делая’); в конструкциях с ИДТИ в перфективной форме переосмысливается исходное значение начала движения к цели (‘пойти делать’ как ‘начать’, ср. русск. *Пошла писать губерния*); а относительно ПОДНИМАТЬСЯ как источника можно говорить о существовании особой метафоры “движение вверх как начало”.

Наконец, и из “одного и того же” могут получаться достаточно разные итоговые значения. Например, идея приближения/удаления служит исходной как для ряда пространственных значений, так и для временных и аспектуальных, и даже модальных. Так, приближение субъекта к ситуации или, наоборот, ситуации к субъекту может оцениваться как потенциальная возможность данной ситуации, ее “близость к реальности” (ср. распространенный путь развития ПРИХОДИТЬ в показатели возможности); удаление же и нахождение вдали от действительного центра как “центра реальности” говорит о том, что ситуация не имеет места (или даже не возможна) в действительности.

Рассмотрение конструкций целиком в качестве первичных источников грамматикализации позволяет объяснить многие механизмы семантического развития, действующие в процессе грамматикализации. В целом, результаты грамматикализации глаголов движения и позиции представляются мотивированными, и хотя невозможно предсказать, будет ли грамматикализован некоторый глагол в произвольно взятом языке (и если да, то по какому из путей пойдет его развитие), в большинстве случаев можно понять, как именно шло переосмысление различных непространственных категорий в терминах пространственных.

Анализ путей грамматикализации с точки зрения конструкций показывает также, что взаимное соотношение источников и результатов в процессе грамматикализации далеко не произвольно: для каждого типа исходной конструкции набор основных типов результатов ограничен (хотя этот набор не является в строгом смысле закрытым), ограничен для каждого грамматического значения и набор основных возможных источников.

В Заключении обобщаются основные результаты работы:

- ◇ на материале большого числа языков выявлены возможные пути грамматикализации конструкций с глаголами, выражающими 11 смыслов, связанных с перемещением, и 3 смысла, связанных с расположением в пространстве;
- ◇ предложены объяснения путей переосмысления исходных пространственных значений на основе учета всех элементов исходной конструкции в целом;
- ◇ даны приблизительные числовые оценки общей частотности грамматикализации разных глаголов, а также частотности конкретных путей грамматикализации для конкретных глаголов;
- ◇ показано, для каких грамматических категорий конструкции с глаголами движения и позиции являются наиболее распространенными и важными источниками;

◇ рассмотрены и объяснены случаи множественного соотношения между источниками и результатами грамматикализации.

Представляется, что знание о путях эволюции глаголов движения и позиции помогает по-новому взглянуть на природу и внутреннее устройство ряда грамматических категорий (в первую очередь из области вида, времени, модальности). Прделанную работу можно считать также шагом к полному и объяснительному “словарю источников и путей грамматикализации”.

Перспективной представляется дальнейшая работа в следующих направлениях:

- * дальнейшая работа с конкретными путями грамматикализации, направленная на более глубокое описание значения грамматикализуемых конкретно-языковых конструкций (включая их возможную неоднозначность, взаимодействие с другими грамматическими категориями, зависимость значения конструкции от типа смыслового глагола и т.п.);

- * выявление факторов, способствующих (или препятствующих) грамматикализации определенных источников в конкретном языке: особенности лексической семантики исходных единиц, особенности существующей грамматической системы языка и т.п.;

- * типологическое сопоставление семантических переходов, отмечаемых в ходе грамматикализации, с теми, которые в других языках имеют место на уровне лексики (т.е. на уровне полисемии данной лексической единицы, без ее грамматикализации);

- * систематизация данных о путях грамматикализации других типологически распространенных источников на основе анализа большого числа языков;

- * изучение процессов грамматикализации с точки зрения итоговых грамматических категорий: определение круга возможных источников, сравнение (по единому набору параметров) показателей с общим ядерным значением, но восходящих к разным источникам.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**:

1. Совпадение результатов грамматикализации при различии источников (на материале глаголов движения) // *Труды Международного семинара “Диалог ’98” по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Том 1. Казань, 1998. Сс. 356-368.

2. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // *Вопросы языкознания*. №1, 2000. Сс. 10-32.

3. Аналитические конструкции с комплетивным значением: типология и пути грамматикализации // *Вторая зимняя типологическая школа. Международная школа-семинар молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии*. М., 2000. Сс. 148-149.

4. Multiple periphrastic perfectives: another case of “bounder perfectivization” // *Language Typology: Proceedings of electronic conference (May 15-25, 1999)*. *Web Journal of Formal, Computational & Cognitive Linguistics*. CD Edition, 2000. 24 pp. [Также см.: http://fccl.ksu.ru/winter.99/lang_typ/ogl.htm.]

5. Конструкции с глаголами движения и позиции как источники модальных показателей // *Третья зимняя типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии*. М., 2002. Сс. 196-198.